

В целостности и сохранности, точно так же, как сейчас, — система сжала зубы и процедила каждое слово: — Доволен?

Получив неоднократные заверения системы, Цзян Цы наконец уступил. Посмотрев на бездонную темноту, он стиснул зубы и шагнул вниз.

Почувствовав, что свист ветра в ушах стихает, он осмелился приоткрыть глаза лишь на самую щелку и, убедившись в безопасности, легко выдохнул.

Он повернул голову и огляделся: прямо над головой зияла большая трещина, сквозь которую пробивался слабый лунный свет. При этом тусклом свете он заметил невероятно гигантское дерево.

— Странно, когда я только прыгал, никакого лунного света ведь не было видно, — Цзян Цы не удержался и, нахмурившись, пробормотал себе под нос.

— Ты просто плохо смотрел, — небрежно отмахнулась система, не имея возможности признаться, что она просто-напросто перенесла его в другое место. — Посмотри вниз.

Цзян Цы опустил взгляд: на дне пещеры отчетливо белела нефритовая кровать, а рядом с ней выделялись две знакомые фигуры.

— Это У Се? — Цзян Цы неуверенно прищурился, пытаясь разглядеть всё получше, а затем перевернулся и спрыгнул вниз.

Высота была небольшой, так что он мог легко спрыгнуть и не получить травм.

— У Се! Толстяк! — Цзян Цы помахал рукой, но, заметив, что эти двое душат друг друга, на мгновение замер.

— Вы что делаете? — Сначала Цзян Цы подумал, что они обнимаются, и даже удивился, с каких пор у них такие крепкие отношения.

Но, подойдя ближе, он понял: душат друг друга — всё в пределах нормы.

Толстяк, стоя к нему вполоборота, зажал шею У Се и прижал его к белофритовой кровати. Самого У Се было не разглядеть, но, судя по всему, обоим было очень весело.

— Спаси... — У Се, чей от удушья лицом начал слегка отливать синевой, с трудом выдавил из себя хриплый голос и позвал на помощь.

Сообразив, что дело неладно, Цзян Цы попытался с усилием оттащить Толстяка, но тот оказался слишком тяжелым, и тогда он вцепился в руки Толстяка.

Он изо всех сил пытался оторвать руки Толстяка от горла У Се, но смог лишь немного ослабить его хватки.

У Се получил крошечную возможность перевести дыхание, схватил лежавшую рядом с трупом синеглазого лиса позлащенную шкатулку и со всего маху опустил ее на голову Толстяку.

— Кхе-кхе! — У Се тяжело задышал и осел на землю. Подняв голову, он увидел, что Цзян Цы разглядывает того самого синеглазого лиса-мёртвеца.

— Не смотри! — голос У Се был хриплым, видимо, он еще не до конца пришел в себя. Он тут же схватил Цзян Цы за руку, пытаясь стащить его вниз.

У Се еще не успел восстановить силы, поэтому с первого раза не смог сдвинуть Цзян Цы с места, лишь инстинктивно посильнее сжав в руке позлащенную шкатулку.

Если Цзян Цы поддастся наваждению, он обязательно ударит его помягче — этот парень ведь не Толстяк, у которого шкура толстая, что делать, если повредит голову?

— Какая гадость, — Цзян Цы бросил взгляд на мертвеца с отвратительной лисьей мордой и брезгливо скривил губы. — У этого типа такая мерзкая физиономия, небось и жены-то нет.

У Се, сжимавший шкатулку, на секунду замер, а услышав слова Цзян Цы, едва не рассмеялся: этот малец часом не эстет, помешанный на внешности?

— Ты в порядке? — У Се окинул взглядом стянутого им же вниз Цзян Цы и на мгновение замялся. — Тебе не мерещатся галлюцинации из-за синеглазого лиса?

Цзян Цы странно посмотрел на него и покачал головой: — Какие еще галлюцинации? Ничего такого не чувствую.

У Се растерялся от такого недоуменного взгляда, поднялся с пола и покосился на труп синеглазого лиса — стоило ему лишь бросить взгляд, как в голове снова слегка закружилось.

Он притянул к себе вырубленного им Толстяка и шмякнул его прямо поверх синеглазого лиса — только после этого ему стало легче.

— Что случилось? — Цзян Цы растерянно смотрел, как У Се швырнул Толстяка лицом к лицу с омерзительным трупом синеглазого лиса.

— Ничего, — лицо У Се оставалось невозмутимым. — Походи вокруг, поищи Панцзы, мы, наверное, скоро сможем отсюда выбраться.

Цзян Цы кивнул, бросил короткое «будьте осторожны» и повернулся, направляясь вглубь извилистых пещер.

Следуя голосовой навигации системы, он быстро отыскал Панцзы. Рядом с тем находилось еще несколько человек, а во главе их стоял мужчина средних лет.

— Третий господин, это тот самый парень из Мяоцзяна по имени Цзян Цы, про которого я вам рассказывал, — Панцзы с улыбкой приобнял его за плечи, представляя мужчину, и не преминул хлопнуть по спине. — Чего застыл, зови третьего дядю.

Мужчина окинул взглядом стоявшего перед ним большеглазого юношу с тонкими чертами лица: пусть тот и выглядел потрепанным, но его светлые персиковые глаза по-прежнему сияли чистотой.

У Саньсин смотрел на послушно назвавшего его третьим дядей юношу с некоторым отрешением — на мгновение ему показалось, будто он видит маленького У Се в прошлом.

Третий дядя невольно улыбнулся: — Экий ладный малыш, Цзян Цы, да? Красивый, прямо как фарфоровая кукла.

Панцзы потрепал себя по затылку, мысленно бормоча: и правда фарфоровая кукла, только хрупкая донельзя.

Цзян Цы привел их к У Се, и издалека завидев того, громко окликнул: — Третий дядя! Я здесь!

Однако лицо У Саньсина, секунду назад тронутое улыбкой, в тот же миг помрачнело, стоило ему заметить фигуру, стоявшую за спиной племянника.

Он много лет промышлял в гробницах и повидал немало, поэтому прекрасно понимал, что за тварь пристроилась за спиной у У Се.

Панцзы увидел, как У Се сделал жест, призывающий стрелять в него, и в растерянности переспросил: — Третий господин? Маленький третий господин это к чему?

У Саньсин перехватил у Панцзы ружьё, бросив взгляд на Цзян Цы: — Обернись. — И в тот же миг грянул выстрел, разнесший голову синеглазого лиса вдребезги.

Панцзы машинально толкнул Цзян Цы вниз, но тот всё же успел заметить, как пуля превратила голову чудовища в кровавое крошево.

Тьфу ты, вести себя надо по-человечески и лицом выходить нормально, а то с такой противной физиономией недолго и схлопотать пулю в лоб.

Наблюдая за воссоединением У Се и У Саньсина, Цзян Цы не удержался от вздоха: когда же он наконец покинет это проклятое место?

— Как ты сюда попал? Тебя похитили? — Панцзы заметил, что парень витает в облаках, подошел к нему и спросил.

Может, потому что этот изнеженный юноша когда-то располосовал себе руки в кровь и прыгнул в кишашую насекомыми кучу, чтобы спасти его?

А может, из-за новеньких бинтов, которые тот дал ему при ранении? Или просто потому, что Цзян Цы был чертовски хорош собой? Так или иначе, Панцзы был не против пообщаться с ним.

Если считать похищением проделки системы, то пожалуй, да.

Цзян Цы без колебаний кивнул, и этот ответ заставил Панцзы тяжело вздохнуть: — А где твой дом?

При упоминании дома Цзян Цы вспомнил трех своих сестер и, опустив взгляд, пробормотал: — Я не знаю...

Едва взглянув на эту нежную, избалованную кожу, он сразу понял, что парень полез в гробницу явно не по своей воле — скорее всего, его приволокли сюда силой.

Наверное, те прежние бандиты и похитили его, а приглянулся он им главным образом потому, что родом из Мяоцзяна, а кровь у него ядовитая.

Думая об этом, Панцзы смотрел на Цзян Цы взглядом, полным неподдельной нежности.

Система же, наблюдая за этой чередой совершенно нелепых домыслов, погрузилась в глубокие раздумья: неужели параметр харизмы заставляет людей додумывать всё самим?

После этого она отыскала прежде сфабрикованное досье на Цзян Цы в этом мире, немного поразмыслила и в графе происхождения вписала:

Единственный выживший после истребления клана, приглянувшийся расхитителям гробниц из-за крови мяоцзянца и смазливой мордашки, несчастный сиротка, насильно затащенный в древнюю гробницу.

А в стертой строчке черным по белому значилось: богат, безумно богат.

Система не удержалась от вздоха и снова принялась листать книгу.

И всё-таки у людей не хватает культуры — кроме как о деньгах да богатстве, писать больше ни о чем не умеют.

<http://bllate.org/book/19068/1872831>